

А.И. Фролова *

ЗНАЧЕНИЕ ИМЕНИ АВТОРА В «ТРАГИЧЕСКИХ ПОЭМАХ» АГРИППЫ Д'ОБИНЬЕ

Формы присутствия имени автора в «Трагических поэмах» Агриппы д'Обинье анализируются на основании двух подходов: исследование означаемого имени без учета его этимологии и изучение этимологии имени, позволяющее восстанавливать имя при помощи самого контекста. Показано, что размышления об обстоятельствах рождения поэта составляют важную часть творческого замысла. Особенности появления д'Обинье на свет объясняют отсутствие на титульном листе книги его имени.

В первом издании в «Трагических поэмах» авторство не было указано. Произведению предшествует предисловие, в котором Агриппа д'Обинье вносит элемент игры. Она заключается в том, что поэт уклончиво отзывается о своем авторстве. «Издатель», рассказывая об «авторе», не называет имени последнего: «Пусть его имя отсутствует среди имен, имеющих место в его картинах...» [1. С. 53]. В прологе «Трагических поэмах» д'Обинье объясняет причину своего замысла:

Si on te demande pourquoi
Ton front ne se vante de moi,
Dis leur que tu es un posthume
Desguisé, craintif et discret,
Que la vérité a coustume
D'accoucher en une lieu secret.
(vv. 25-30)

Вопрос, касающийся имени, связан, таким образом, с размышлениями поэта о рождении. Особенности появления д'Обинье на свет объясняют отсутствие на титульном листе книги его имени. Или наоборот, присутствие имени могло бы, возможно, скрыть истинное положение вещей. Анонимность в дан-

* © Фролова А.И., 2006

Фролова Алина Ивановна – кафедра романской филологии Самарского государственного педагогического университета.

ном случае обозначает то, что сокрыто за именем, то есть все то, что имеет отношение к генезису и, в конечном счете, к самому тексту. Маркированное отсутствие имени имеет одну цель: не упустить самое главное – его присутствие при создании текста.

В 1616 г. титульная страница «Трагических поэм» выглядела следующим образом: «Les Tragiques / ci devant / donnez au public par / le larcin de Prométhée / Au dezert, / par L.B.D.D. / M.DC. XVI.» [2. Р. 36]. Надпись, на первый взгляд, может показаться странной, так как заглавные буквы L.B.D.D. не являются инициалами поэта. С другой стороны, если эти буквы – псевдоним, тогда возникает вопрос о том, почему он не написан полностью. Сомнения д'Обинье в том, каким образом указать имя автора, доказывают, что этот вопрос имени имел для поэта первейшее значение.

У. Ланже отмечает, что такая же ситуация возникла с оформлением авторства другого произведения д'Обинье – «Всемирной истории», когда имя писателя проявилось лишь в заглавной букве «алеф», написанной на полях листа.

«Имя историка, по мнению д'Обинье, включает такое понятие, как субъективность. В одном из писем к М. де Со он пишет следующее: «Il n'y a massacres perfides, ny defaveurs, ny mesmes la Saint Barthelemy, qui puisse arracher de ma plume les mots de cruauté, ny seulement de rigueur, tant j'observe l'équanimité de l'Historien qui perd son nom, quand il veust prevenir le jugement du lecteur» [2. Р. 123]. Другими словами, д'Обинье полагает, что личность историка должна обезличиваться, что никакие перипетии не могут отражаться на изложении исторических фактов. Только отсутствие имени и объективность автора позволит читателю сделать выводы из написанного.

Отрывок из «Жизни, рассказанной его детям» позволяет пролить свет на происхождение надписи на титульном листе «Трагических поэм»:

«Enfin toutes les aigreurs et duretez de l'Assemblée luy furent imputées, et pour cela fut appelé le Bouc du desert, pource que tous deschargeoyent leur haine sur luy» [3. С. 206].

Таким образом, заглавные буквы L.B.D.D. означают не что иное, как «le Bouc du désert» – «Козел отпущения».

Настоящее имя поэта нигде не встречается в «Трагических поэмах», но имплицитно присутствует в тексте.

Агриппа д'Обинье рассказывает, что его имя было дано ему по причине его трудного рождения, которое стоило жизни его матери. Он родился в страданиях, что и сказало в конечном итоге на выборе имени: 'aegre partus':

«Théodore Agrippa d'Aubigné... nasquit en l'hostel Saint-Maury près de Pons, l'an 1551, le 8e de Febvrier, sa mere morte en accouchant, et avec telle extremité, que les medecins proposerent le choix de mort pour la mere, ou pour l'enfant. Il fut nommé Agrippa (comme aegre partus)» [4. С. 385].

В тексте «Трагических поэм» часто присутствует слово *aigreur*, значение и смысл которого ведет к обстоятельствам рождения поэта, а также к проблеме обозначения имени в самом тексте. В начале первой из поэм – «Беды» – сходство автора с Ганнибалом, историческим персонажем, усиливается прилагательным *aigre*, которое подчеркивает силу Ганнибала и могущество слова поэта:

Puis qu'il faut s'attaquer aux legions de Rome,
Aux monstres d'Italie, il faudra faire comme
Hannibal, qui par feux d'*aigre* humeur arrosez
Se fendit un passage aux Alpes embrasez.
Mon courage de feu, mon humeur *aigre* et forte
Au travers des sept monts faict breche au lieu de porte.
(Misères, vv.1-6)

У. Ланже указывает на следующие значения слова *aigre* применительно к XVI столетию: 'sec', 'cassant'; 'vif', 'violent'; 'qui exprime vivement la douleur, la colère'; 'sévère', 'rigoureux'; 'douloureux', 'cruel' [2. С. 37]. Французское слово *aigre* происходит от латинского 'aeger' (больной; в плохом состоянии; терзаемый заботами; болезненный, мучительный, невыносимый). Но истинная этимология слова *aigre*, как утверждает У. Ланже, происходит от народной латыни: 'acrus'. В свою очередь, 'acrus' берет начало от латинского слова 'acer' (острый, едкий, колкий, пылкий, раздражительный). Схожесть означаемых слов 'aigre' и 'aeger', по мнению французского исследователя, не вызывает сомнений. К тому же 'aigre' и 'aeger' (болезненный, мучительный) – словоомофоны. Это предположение усиливается благодаря тому, что д'Обинье из синонимичного ряда выбрал именно 'aigre', а не 'âcre', например, которое в XVI в. было широко употребляемым во Франции.

Слово 'aigre' часто повторяется не только в «Трагических поэмах», но и в других произведениях Агриппы д'Обинье. Например в сборнике стихов «Жертвоприношение Диане». В следующих строках поэт сравнивает возлюбленную со скалами:

Si du borgne Affriquain le soin, les feux aussi,
Parmy les rochz brisés firent chemin aux armes,
Je graveray mon nom sur ce coeur endurcy,
Le bruslant de mes feux, le mynant de mes larmes
(5, Sonnet LXVIII, vv.11-14)

Поэт высекает свое имя на сердце дамы, точно также как он «едкостью нрава прожигает горы» в начале поэмы «Беды». Подобным образом Всевышний вписывает свое имя божественным огнем в душе поэта в следующих строках первой книги «Трагических поэм»:

Dieu, qui d'un style vif, comme il te plaist, escrits
Le secret plus obscur en l'obscur des esprits:
Puisque de ton amour mon ame est eschauffee,
Jalouze de ton nom, ma poitrine est embrazee
De ton feu, repurge aussi de mesmes feux
Le vice naturel de mon coeur vicieuz...

(vv.43-48)

След, оставленный в сердце дамы поэтом, отличается от того, что оставляет Всевышний. Поэт к божественной силе огня добавляет еще и едкую жидкость (liquide aigre).

Имя поэта обладает побуждающей силой, которая не может сравниться с самим фактом авторства. Имя имплицитно присутствует в тексте, оно отражает значение своего происхождения (рождения) и в то же время возвращает к этимологии.

Употребление слова '*aigre*' в «Трагических поэмах» уподобляет скале сам текст. Прилагательное представляет собой след «гравировки», которая *как бы* отсутствует, поскольку текст является анонимным.

При анализе отражения имени в тексте «Трагических поэм» можно придерживаться двух принципов работы: с точки зрения фонетики и с точки зрения семантики. Первый подход предполагает исследование семы означаемого имени без очевидного ее отношения к семам этимологии имени, то есть, оно используется в своем пластичном значении. У д'Обинье есть лишь несколько ярко выраженных примеров: «A Mercure maqreau, dire Mercurialle» (Chambre dorée, v.522); «nourris» / «nourrisson» / «Norris» (Feux, vv. 135-136) и «Sens insense» (Fers, v. 585).

Второй принцип работы над поэтическим текстом основывается на этимологическом обозначении имени, где семы восстанавливаются контекстом. Означающее имени маркируется и может рассматриваться как знак. Д'Обинье очень часто прибегает к такой игре, что подтверждается множественными примерами из «Трагических поэм»: Les lions de l'Afrique, ou de Lion les chiens (Princes, v.320); Anglois / terre d'Ange (Feux, vv. 125-126); Trois Agnez, trois agneaux (Feux, v. 324); Pape non Clement (Feux, v. 1207); Lyon, tous tes lions (Fers, v. 1073); Constant, par trop constant (Vengeances, v. 673); Felix (nom sans felicité) (Vengeances, v. 795).

В XV-XVI вв. придворные поэты часто прибегали к такому приему, как мифологизация имени, где оно используется как мифологический намек. Имя как обозначает явление, так и соотносится с ним [6. Р. 27]. Очень часто такое явление встречается у Ронсара: например, его именами Кассандра, Мария, Астрея и Елена названы его сборники стихов. Немногие примеры подобного поэтического использования имени собственного, встречающиеся у д'Обинье,

свидетельствуют о том, что к концу XVI в. эта тенденция ослабляется [2. Р. 233-234].

Таким образом, ономастическая игра не является основополагающей в «Трагических поэмах». Однако она подчеркивает пластичность текста.

Имя может действовать как некое сопротивление творческому замыслу поэта. Именно в этом смысле д'Обинье использует сначала выражение «leur feinct Jupiter» (Chambre dorée, v. 187), а в дальнейшем – выражение «le vrai Jupiter» (Chambre dorée, v. 895), один раз для того, чтобы обозначить мифологическую фигуру, второй раз – чтобы обозначить Бога. Имя «Юпитер» в данном случае – лишь признак действия, а не показатель сущности; Юпитер – лишь средство в стратегии творческого замысла сюжета.

Однако д'Обинье не отказывается от семантической игры, при этом очень сдержанной, по поводу своего имени – Агриппа. Начало поэмы «Беды» характеризуется повтором прилагательного '*aigre*' (vv. 1-6). Его означаемое вносит определенный знак, глубокий смысл которого отражается в самой структуре текста. Семантическая игра над *aegre partus* – лишь часть его. Прилагательное '*aigre*' и его морфологические вариации повторяются достаточно часто на протяжении всей поэмы.

Возмездие Господа причиняет ужасные страдания. Семантическая игра над словом '*aigre*' и его вариациями продолжается: «Leve ton bras de fer, haste tes pieds de laine, / Venge ta patience en l'*aigreur* de la peine, / Frappe du ciel Babel...» (Misères, vv. 1377-1379). Собственные мысли поэта уподобляются божественному возмездию, они производят тот же эффект: «s'ils sont piquez, repris / Par le juste fouent de mes *aigres* escrits...» (Princes, vv. 451-452).

Другое значение слова '*aigre*' подчеркивает искренность поэта в следующих строках: «nostre Roy endueil, qui, de ses *aigres* plaintes, / Tesmoigne ses ardeurs n'avoir pas esté feintes» (Princes, vv. 823-824). Иными словами, колкость является элементом действенной риторики д'Обинье: «d'une feinte rigueur, d'un courroux simulé / Donnent pointe d'*aigreur* au los emmiellé» (Princes, vv. 131-132). Контекст, в котором присутствует сема '*aigre*', – показатель ономастического проникновения, которое переплетается с риторическим предубеждением д'Обинье.

Ономастическая игра «Трагических поэм» имеет большое значение. Отсутствие авторской подписи отсылает читателя к проблеме рождения, к появлению на свет текста-ребенка. Следующие строки пролога, как кажется, подтверждают эту гипотезу. Умиравший отец говорит своему новорожденному сыну:

Va Livre, tu n'es que trop beau
Pour estre né dans le tombeau
Duquel mon exil te delivre;
Seul pour nous deux je veux perir:

Commence, mon enfant, à vivre
Quand ton père s'en va mourir.
(vv. 1-6)

Отец и мать больше не имеют отличий, так как они дают телесную жизнь ребенку, и соответственно тексту. Голос матери воскрешается поэтом через текст, чтобы жизнь ребенка была оправданной. Однако ребенок не освобождается от условий рождения. Для него жизнь – всегда стремление вернуться в исходное положение, чтобы переродиться заново и сделать свое рождение счастливым. Позиции отец / ребенок переворачиваются. Ребенок становится матерью, а отец – ребенком. Ребенок-мать вскармливает своего отца-ребенка, что является высшим доказательством повторного, счастливого рождения.

Encores vivrai-je par toi,
Mon fils, comme tu vis par moi;
Puis il faut, comme la nourrice
Et fille du Romain grison,
Que tu allaicte et tu cherisse
Ton père, en exil, en prison
(vv. 7-12)

Возвратное движение к исходной точке объясняется тем, что ребенок пытается вновь обрести покой, неподвижное состояние, сходное с положением в утробе матери (а также чрезвычайно похожее на состояние смерти матери после рождение ребенка). Далее следует повторное рождение: ребенок, стремясь к неподвижности эмбриона и к матери, возрождается, что доказывает, что смерть матери является началом новой жизни.

Возвращение к истокам прослеживается и самим текстом. При этом важность первых строк пролога не вызывает сомнений. Затем поэт выражает желание заснуть без движений: «Ici sans espoir, sans esmoi, / Je ne veux autre recompense / Que dormir satisfait de moi» (Préface, vv. 100-102). Истинный отдых – это смерть: «Le repos est la fin de la peine, / Et la mort est le vrai repos» (vv. 155-156).

Однако поиск спокойствия не прослеживается в перспективе возврата к исходной точке – рождению, он просто является выражением характера д'Обинье, особенно в старости. Уход в смерть – это также уход в повторное рождение, не только в религиозном плане, но и в плане личной мификации.

Когда молодой поэт прибывает ко двору (Princes), он быстро освобождается от иллюзий. Он наблюдает непристойное поведение придворных: «cet esprit offensé se retire, / Et, comme en quelque coin se cachant il soupire, / Voici un gros amas...» (vv. 1143-1145). Герой не может найти покоя. Добродетель ему советует: «retire toi dans toi, parois moins, et sois plus» (v. 1374).

Эпизод поэмы «Золотая палата», где воспевается добродетель королевы Елизаветы Английской в, предвосхищает экстатический конечный покой «au giron de son Dieu»:

Ces braves abatus [révoltés] au throsne où tu te sields
Sont les lions que tient prosternés à tes pieds
La tendre humilité: ton giron est la dorne
De la vierge à qui rend ses armes la licorne,
Tels antiques tableaux predisoyent sans scavoir
Ta vertu virginale et ton secret pouvoir.
Par cet esprit tu as repos en tes limites...

(vv. 973-979)

Д'Обинье ссылается в строках 977-978 на королевское английское оружие, где изображен единорог. В поэме «Золотая палата» поэт описывает Богу поэтические картины, где королева-девственница умирляет единорога. Единорог «складывает оружие», он кладет свою голову на «девственную грудь», как поэт склоняется перед Всевышним, «чтоб место должное занять на Божьем лоне» («Jugement, v. 1218»). Автор имплицитно предсказывает собственный отдых в конце поэм. Здесь можно также увидеть намек на взбунтовавшегося «козла отпущения», которого может усмирить только Бог, точно так же как единорога в иконографии Средних веков и конца XVI века могла приручить только непорочная дева [7. Р. 984].

Тема покоя распространяется и становится космической. Мать-земля готова подарить покой своим детям: «Cachez-vous sous ma robbe en mes noires forests, / Et, au fond du malheur, que chacun de vous entre, / Par deux fois mes enfans, dans l'obscur de mon ventre» (Misères, vv. 300-302). Таким образом, вокруг покоя выделяется семантическое поле: смерть, Бог, мать, земля, темнота, мрак.

Философские рассуждения д'Обинье в поэме «Суд» подводит итог теме покоя.

Ainsi le changement ne sera la fin nostre,
Il nous change en nous mesme et non point en un autre,
Il cherche son estat, fin de son action:
C'est au second repos qu'est la perfection.
(...)

Rien ne s'engendrera: le temps, qui tout consomme,
En l'homme amenera ce qui fut fait pour l'homme;
Lors la matiere aura son repos, son plaisir,
La fin du mouvement et la fin du desir.

(vv. 379-382, 391-394)

Мученики в поэмах «Огни» и «Мечи» ищут покоя в смерти: лионские страдальцы находят покой на «угольях багровых» (Feux, v. 458). Один мученик перед казнью восклицает: «Amis, vous me voyez sur le seuil du repos» (Feux, v. 908).

Именно в сценах мучеников вырисовывается картина круговорота природы: из смерти рождается жизнь. В «Евангелии от Иоанна» говорится: «Истинно, истинно говорю вам, если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода...» [12. С. 24-25] Картины казни мучеников, как кажется, проникнуты этими строками [8. С. 336].

Погребение зерна в землю относится к теме покоя в утробе Земли-матери. В поэме «Огни» библейские строки повторяются у д'Обинье устами Мари: «C'est, ce dit-elle, que le beau grain d'eslite / Et s'enterre et se seme afin qu'il ressuscite. / Si la moitié de moy pourrit devant mes yeux, / Je diray que cela va le premier aux sieux...» (vv. 533-536). Итак, неоднократно возникает антитеза: жизнь и смерть. В некотором смысле жизнь – это смерть, а смерть – это жизнь. Эта антитеза у д'Обинье встречается очень часто.

Однако рассуждения не ограничиваются только духовным возрождением мучеников. В начале поэмы «Возмездие» высказывается мнение, что тело тоже воскрешается, оно возрождается и получает после этого чувственное наслаждение после этого возрождения. С символической точки зрения возрождение уподобляется первому, физическому рождению. Философское рассуждение на этот счет косвенным способом трансформирует первоначальное, неудачное рождение в счастливое.

По мнению д'Обинье, каждое тело имеет право на повторное рождение: «Tout arbre, graine, fleur, et beste tient dequoy / Se resemer soi-mesme et revivre par soy» (vv. 497-498). При этом подчеркивается тот факт, что рождается *одно и то же тело*, что это не жертва одного тела во имя рождения другого. Библейский стих уточняет, что смерть зерна позволяет возродиться плоду, точно так же, как и смерть матери позволила Агриппе-ребенку жить. Мать не умерла: это послание мы получаем вслед за тождеством «растение-плод». Данное предположение становится еще более очевидным в следующих строках:

L'exemplaire secret des idees encloses
Au sepulchre ranime et les lis et les roses,
Racines et rameaux, tiges, feuilles et fleurs
Qui font briller aux yeux les plus vives couleurs,
Ayant le feu pour pere, et pour mere la cendre.
Leur resurrection doit aux craintifs apprendre
Que les bruslez, desquels on met la cendre au vent,
Se relevent plus vifs et plus beaux que devant.

(Jugement, vv. 515-522)

Возвращение в утробу является одновременно трансформацией одного рождения во второе, счастливое рождение. И в этом рождении ребенок воскрешает мать. Д'Обинье, как кажется, интерпретирует библейский текст, но его замысел идет еще дальше. Он не просто затрагивает вопрос о рождении, но и показывает свою способность его трансформировать.

Поэт-ребенок стремится сначала умереть, чтобы потом возродиться, дабы сгладить свое первое, неудачное рождение: «Puis il faut estre enfant pour voir des visions, / Naistre, et renaistre après, net de pollutions...» (vv. 39-40). Определенно точно, что смерть и изгнание становятся синонимами этого возрождения: «Par la mort, d'un exil fay moy revivre à toy...» (v. 55).

Библиографический список

1. Обинье, Агриппа, д'. Трагические поэмы / Т.А. Обинье. – М.: Рипол классик, 2002. – 559 с.
2. Langer, U. Rhétorique et intersubjectivité: Les Tragiques d'Agrippa d'Aubigné / U.Langer. – P.: PFSCL, 1983. – 245 p.
3. Обинье, Теодор Агриппа, д'. Приключения барона де Фенеста. Жизнь, рассказанная его детям / Т.А. Обинье пер. с фр. М.: Наука, 2001. – 450 с.
4. Aubigné, Agrippa d'. Oeuvres, éd. Henri Weber / A. Aubigné. – Paris, Gallimard, coll. «La Pléiade», 1969. – 643 p.
5. Aubigné, Agrippa d'. Le Printemps: l'Hécatombe à Diane et les Stances / A.Aubigné. P. Ed. H. Weber.: Presses univ. de France, 1960. – 575 p.
6. Rigolot, F. Poétique et onomastique / F. Rigolot. Genève: Droz, 1977.- 240 p.
7. Weber, H. La Création poétique au XVI siècle en France: De Maurice Scève à Agrippa d'Aubigné / H. Weber. – P.: Nizet, 1956.- 895 p.
8. Soulié, M. L'Inspiration biblique dans la poésie religieuse d'Agrippa d'Aubigné / M. Soulié. – P.: Klincksieck, 1977. – 548 p.

A.I. Frolova

THE AUTHOR'S FIGURE IN AGRIPPA D'AUBIGNE'S «LES TRAGIQUES»

There are two ways to analyze the nomination of the author in Agrippa d'Aubigne's "Les Tragiques". The 1st is based on the study of the name irrespective of its etymology, whereas the 2nd focuses on etymology enabling to restore the name with the help of the context. The circumstances of his birth are regarded as an important source of the author's inspiration and explain the absence of his name on the title-page of the book.